

Ольга Куценко

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НА УКРАИНЕ

Процесс социальной трансформации, выразившийся в попытках создания "нового" общества через отрицание его предыдущего качества, поверг современное украинское общество в состояние деструктурирования и десубъективации. Поиск новых ценностных ориентиров в условиях социальной аномии пока что не привел к обретению новой системы координат в социальном пространстве. Вместе с тем и в условиях накапливающейся энтропии действуют неразрушенные механизмы самоорганизации, стимулирующие появление новых социальных субъектов, формирование между ними устойчивых отношений. Процесс трансформации посттоталитарного общества и становления субъектов новой социальной реальности автор предлагает рассмотреть сквозь призму феноменологического подхода, игровой концепции. (1). Включение в игру при этом рассматривается как возможность личности выйти за рамки обыденного, оторваться от привычного и стандартного, раствориться в пространственно-временной сфере деятельности, направленность которой иллюзорна. Механизм игры способен установить новые духовные и социальные связи. И хотя в несовершенном мире игра создает ограниченное совершенство, иллюзии, порожденные игрой, всегда сориентированы на реальные возможности. А это означает установление между иллюзиями и возможностями такого рода отношений, когда иллюзии сами как бы "переигрывают" играющего и, повторяясь в игровой форме, закрепляются в формах нового социального порядка. Именно такая игра, воплощающая суть человека играющего (Homo Ludens), несет в себе смысл творца новых социальных отношений и форм, способов движения социума.

Человек играющий, обладающий качеством пассионарности, способный раскрепостить дух свободы и творчества, оказывается наиболее социально мобильным. Именно из этого типа прежде всего формируются социальные субъекты различного уровня, в том числе и элитные группы, берущие на себя роль режиссеров в игровом поле политики, иницирующие процессы конструирования социальных изменений. Данная роль, непосредственно отражающаяся на процессе формирования нации в современной Украине, требует уточнения механизмов селекции и самоопределения носителей элитных ролей, детерминирующих в значительной мере успешность социальных трансформаций. В статье предпринимается попытка анализа изменения сущностных качеств региональной элиты и механизмов ее селекции под воздействием быстрых изменений в социальной системе, а также социальных конфликтов как продукта внутриэлитной трансформации.

1. Концепт элиты

Приступая к рассмотрению концепта элиты в его приложении к процессам социальных трансформаций в посттоталитарной Украине, отметим многозначность в употреблении понятия "элита" и в связи с этим необходимость уточнения исследовательских позиций. Понимание элиты как конкретной небольшой части общества, занимающей высшие ступени социальной иерархии (Р. Миллс, Г. Лассуэлл, Дж. Сартори и др.), является хотя и наиболее распространенным, однако гносеологически недостаточно продуктивным в анализе социального взаимодействия в современной Украине. Нередко история употребления конкретных понятий оправдывает появление смысловых квазиформ, отражающих семантическую инверсию понятия в процессе изменения социокультурного контекста. Думается, что такое оправдание вполне корректно и в отношении смысловой инверсии понятия "элита". Слово "элита", ведущее происхождение от французского "elite", отражало смысл лучшего, отборного. В этом же нормативно-оценочном смысле употреблял данное понятие и В. Парето, включая в состав элиты лишь тех, кто достиг высшего эшелона в профессиональной иерархии благодаря индивидуальным способностям и получил возможность выполнять руководящие функции в обществе.

Таким образом, изначально в понимание элиты закладывался критерий индивидуальных талантов и высокой профессиональной компетентности. Данная смысловая нагрузка нередко вступала в противоречие с реалиями, в которых не всегда находилось место компетентности. Но элиты, как и любые другие реальные социальные группы, обнаруживают себя через восприятие окружающими их специфических черт. Однако сам процесс восприятия конфликтен. Символическое восприятие нередко неспособно отделять символы (в данном случае - мундиры и титулы) от сущностей, субстратов реальности. Высокие социальные позиции и специфический стиль жизни затушевывают ценностно-деятельностные характеристики представителей группы. В результате мнимая компетентность выдается за реальную, а сущностное качество элиты подменяется ее квазиформой. Причем в восприятии окружающих в процессе функционирования элит оказывается не столь важным само качество компетентности тех, кто занимает высшие позиции. Именно такое символическое восприятие обнаруживает элиту и легитимирует ее руководящую роль в социальной системе. И с этими квазиформами элитных групп нам приходится иметь дело в исследовании игрового поля посттоталитарной Украины.

Сильная социальная дифференциация современных нетоталитарных обществ привела к возникновению множественности элит, нетипичной для традиционного общества. Каждая реальная (базисная) группа выделяет свою элиту на основе принципов, свойственных данной группе. (2). Элита каждой группы воздействует на ее развитие и в то же время представляет групповые интересы в обществе. Корпоративность элит неизбежна. Однако в обществах с отлаженными селекционными механизмами общенационального масштаба через интеграцию отдельных элит способна образовываться "общая" элита, доминирующая в социальной системе и в определенной мере преодолевающая качество корпоративности. На Украине же подобные селекционные механизмы сложиться не успели.

Представители элитных групп, достигшие профессионально-статусных высот, по-разному играют свои роли в социальном процессе. Одни из них определяют форму, динамику, пространственно-векторную направленность социальной системы, выступают в роли режисеров игрового поля политики. Другие, играя роль символов своей группы (от нации до профессионального объединения), авторитетов общественного мнения, сохраняя и продуцируя новые ценности, вместе с тем непосредственно не включаются в процесс контроля над социально значимыми ресурсами.

Высокоранжированную социальную группу, контролирующую наиболее значимые ресурсы в обществе, определяющую характер принимаемых государственных решений как по горизонталям, так и по вертикалям властных структур, будем называть правящей элитой. Именно эта группа сосредоточивает максимальный потенциал Homo Ludens, проявляющийся в высоком уровне социальной активности, готовности идти на риск, за которой стоит оценка ситуации и ресурсов. В условиях быстрых изменений прежде всего мобилизуется потенциал данной группы, и от характера его мобилизации в значительной мере зависит уровень напряжений по конфликтным линиям трансформирующейся системы.

Данная группа неоднородна. Структурно-функциональная неоднородность выражена на местном, региональном, общенациональном уровнях государственной власти и оказывается возможной благодаря различным позициям в системе социально значимых ресурсов. В зависимости от смен ресурсных приоритетов в меняющемся социальном контексте изменяется и функциональная нагрузка подгрупп правящей элиты.

В системе взаимодействия политической элите обычно принадлежит роль публичного принятия решений и несения ответственности за их исполнение. Экономической элите - роль неформального лидера, оказывающего решающее влияние на характер принимаемых решений. Бюрократической элите отводится роль управляющего-организатора в подготовке и принятии решений. Интеллектуальная элита, выступая в роли генератора идей и коммуникатора, вносит в принимаемые решения рациональность. Но эта ее функция парадоксальна: внося знания, она же творит догмы, а следовательно, иррационализирует политику. Ее роль особенно ярко проявляется в периоды

нестабильности, в частности в процессах формирования украинской нации. Идеологическая элита, используя духовные ресурсы, аккумулируя социокультурные фрагменты, способна создавать интеллектуальные конструкции, оправдывающие и смягчающие социальные конфликты, и генерировать новую ценностно-нормативную стабильность.

Функциональная эффективность правящей элиты достигается, во-первых, при минимальных значениях расхождения между реальной компетентностью носителей ролей и адаптивными ожиданиями окружения, во-вторых, при высокой мере согласия элитных подгрупп по социально значимым ценностям, в-третьих, при отсутствии сильного культурного дистанцирования между элитными группами и массами (прежде всего в политико-идеологическом смысле) и, в-четвертых, при достаточно высоком уровне их легитимности.

2. Тоталитарный тип автократии и проблема накопления элитных потенциалов

Современная украинская элита, несмотря на быстрые процессы социальных изменений, несет на себе отпечаток недавнего прошлого состояния социума. В силу этого необходим генетический подход к анализу процессов формирования данной группы и ее качества.

В условиях тоталитарной автократии на Украине сложилась довольно закрытая группа правящей элиты, состоявшая из высших чинов партийной, правительственной, хозяйственной, военной иерархий и приближенных к ним деятелей науки и искусства. Живя в мире "зазеркалья", в мире замещенных и мифологизированных ценностей, поддерживая и творя этот мир, данная группа и в себе несла качества этого мира. Принятая система пожизненных статусов заключала в том числе и возможность физического устранения представителей данной группы; внешняя устойчивость вела к фактической неустойчивости ее статусных позиций, противоречащих мифу о единстве и стабильности "руководящего ядра" общества. Миф о руководящей роли данной группы, поддержанный массовым сознанием, противоречил ее реальному зависимому положению от высшей московской элиты, стимулировал развитие, с одной стороны, комплекса "князьков", с другой - комплекса неполноценности.

Реально на Украине сложилась правящая элита провинциального типа с наличием власти по типу господства при крайне неустойчивых статусных позициях. Такое объективное положение способствовало производству и интериоризации ценностей парохально-подданнической политической культуры (Г. Алмонд), отторгающей любые инновации, социальный риск и самодельных субъектов. Данная ситуация концентрировалась на уровне украинской столичной элиты и воспроизводилась на региональных уровнях. Группа правящей элиты представляла собой целостное образование с очень жесткими, мелкоситовыми механизмами селекции. В нем выделялись местные, региональные, столичные уровни, в которых доминировали представители соответствующей партийно-хозяйственной иерархии. Целостность данного образования обеспечивалась специфической культурой, отраженной в стиле жизни, системой закрытых коммуникаций и фактически кастовой системой отбора. Пополнение правящей элиты происходило за счет ее представителей из более низкого управленческого ранга, а также ближайшего окружения элиты по линиям восходящей мобильности. Роль сита играли признаки верности господствующей идее и личной преданности "князьку" соответствующего уровня, полное принятие определенной модели поведения и мышления.

Такая ситуация имела последствия двоякого рода. С одной стороны, шло активное производство "князьков", способных принять противоречивую систему господства и личной зависимости, отбор и включение в вертикальные селективные механизмы тех, кто оказывался наиболее приспособлен и приближен к правящей элите. Среди прошедших первичную селекцию в значительной мере оказывались те, кто обладал развитыми качествами пассионарности, конформизма, адаптивности и волей к власти. Они имели возможность продвигаться по уровням властных структур, однако эта возможность была ограничена низким показателем сменяемости элит, системой "пожизненных статусов". Те, кто был более удачлив либо талантлив, в конце концов попадали в эшелон правящей

элиты союзного уровня, удовлетворяли свои властные стремления. Другие по причинам либо невезения, либо недостатка талантов задерживались в эшелонах более низких уровней. Это была ситуация перепроизводства элиты. При этом изначально присущее качество пассионарности либо рассеивалось, не получая подпитку востребованной активной самодеятельности, либо сублимировалось в накапливающуюся разрушительную энергию в формах "двойной жизни и морали" или агрессии на почве комплекса неполноценности. Кроме того, перепроизведенная элита на региональных уровнях концентрировала напряжения, которые существовали на более высоких уровнях правящей элиты. Те региональные элиты, которые обладали более весомыми экономическими, культурно-этническими ресурсами местной власти, накапливали возможности соперничества с элитой столичного уровня.

С другой стороны, в течение десятилетий общество не имело возможностей удовлетворять потребности тех, у кого высокие личностные притязания, интеллектуальные возможности соседствовали с неразвитыми адаптивными качествами. Анализируя системы тоталитарных автократий, Т. Ремингтон доказывал, что для выживания такой режим требует принятия стратегии, позволяющей включать интеллектуалов и элементы инакомыслия в свой истеблишмент легальным путем. (3). При отсутствии такой стратегии происходило накопление потенциальной элиты, не имевшей выходов к официальным селективным механизмам системы власти и не имевшей легальных институциональных форм канализации своей энергии.

Такая ситуация была чрезвычайно взрывоопасной для общества. Накопленные перепроизведенная и потенциальная элиты сыграли роль "мины замедленного действия" под зданием государства. Как только одновременно с процессами модернизации селекционные барьеры были либо ослаблены, либо сняты, эта накопленная масса Homo Ludens устремилась к власти. В такой ситуации произошла мобилизация прежде всего региональных элит, как правящих, так и потенциальных, резкий рост политического соперничества на основе неудовлетворения личностных стремлений, связанного с зависимым положением. Элитная мобилизация, проявившаяся в формах усиления местного антицентризма и накопления потенциала для конфликтов между регионами и центром или соседними регионами, явилась результатом начавшегося процесса трансформации социальной системы. (К. Дойч рассматривает данное явление как закономерное в условиях модернизации (4).). Своими властными притязаниями свободная элитная масса немало способствовала дестабилизации общества.

Первоначальным продуктом мобилизации региональных элит, актуализации их стремления к власти и риску было провозглашение независимого украинского государства. Этот факт не был результатом социально-исторической неизбежности, а заявленная форма организации социума не отражала потенциально возможных процессов социокультурных и политических идентификаций многосоставного общества, проживающего на территории Украины. Аргументами в пользу данного тезиса может служить состояние следующих социокультурных показателей, рассмотренных сквозь призму региональной дихотомии восток-запад Украины: 1) оценка данного события населением и региональными элитами; 2) гражданская самоидентификация позиции в отношениях Украины и СНГ; 3) легитимность субъектов власти; 4) поливалентность этнического сознания населения востока Украины. В этой связи показательны оценки представителей северо-востока Украины, процесс ассимиляции которых в русскоязычной среде в условиях тоталитарной автократии был особенно активен.

Рассмотрим указанные аргументы.

1. Результаты социологических исследований обращают внимание на высокую негативную оценку факта провозглашения независимости Украины, закрепившуюся в сознании населения и элит востока страны. В исследовании позиций региональных элитных групп (5) 43,5% респондентов отметили факт образования независимого Украинского государства как историческую ошибку и лишь 21,7% - как положительный фактор в развитии украинского народа, восстановивший историческую справедливость (см. табл. 1).

Отношение региональной элиты (северо-восток Украины) к факту образования Украинского государства (в % к числу опрошенных)

"событие считаю исторической ошибкой"	43,5
"реальность, которой нельзя было избежать"	34,8
"событие, восстановившее историческую справедливость"	13,0
"положительный фактор в развитии украинского народа"	8,7

По данным репрезентативного опроса населения востока и юга Украины в июле 1994 г. (6) 47% респондентов высказались бы против независимости Украины, если бы им вновь пришлось участвовать в референдуме по вопросам государственной независимости. И лишь 24% поддержали бы украинский суверенитет. (7). Позиции элит и масс сходны. Однако если мнение населения отражает ностальгию по утраченному чувству "великой Родины - СССР", стабильному и сытому существованию, прерванному дружеским связям, то за позициями региональных элит Восточной Украины стоит в значительной мере иная мотивация, связанная с неудовлетворенными властными притязаниями, обусловленными доминированием в столичных структурах с момента провозглашения государственного суверенитета представителей центральных и западных регионов.

2. После распада СССР многие граждане нового государства Украина оказались в роли "людей на перепутье". По результатам опроса населения северо-востока Украины в марте 1994 г. с участием автора (8), почти 1/3 респондентов по-прежнему считали себя гражданами СССР, каждый десятый идентифицировал себя с СНГ как хотя бы с каким-то подобием бывшего Союза. И только 16% опрошенных с определенностью отнесли себя к гражданам независимой Украины, заявив о своем позитивном отношении к новому гражданству. Симптоматичным являются характеристики национальной принадлежности тех, кто уже идентифицировал себя с народом Украины. В их числе 20% общего числа включенных в выборку украинцев, 8 - русских, 31% представителей малочисленных этнических групп, проживающих в регионе. Последний факт может свидетельствовать о продуманности политики Украины по отношению к национальным меньшинствам, породившей у людей чувство защищенности, их готовности консолидироваться в единое национально-государственное образование - народ Украины.

Процесс гражданского самоопределения тесно связан с позицией по вопросу об отношениях между Украиной и СНГ. С учетом колебаний общественного мнения на протяжении трех лет существования независимой Украины фиксировалась устойчивая тенденция, связанная с преобладанием ориентации населения на активные формы взаимодействия с республиками бывшего Союза (см. табл. 2). Обращает внимание существенный разброс мнений и весомость каждого из них. Такая ситуация несет в себе заряд повышенной конфликтности: как бы ни была решена проблема отношений между Украиной и СНГ, всегда найдется достаточно большое число недовольных, способных выразить свой протест в активных действиях.

Таблица 2

Предпочтения населения северо-востока Украины по вопросу об отношениях между Украиной и СНГ, %

	декабрь 1993	август 1994	март 1995
Украина должна полностью выйти из СНГ	17,2	8,9	14,5

Украина должна осуществлять только экономическое сотрудничество	26,3	21,9	18,5
Оставаясь суверенной, Украина должна осуществлять единую экономическую, военную, международную политику СНГ	34,8	32,7	30,6
Украина должна составить с СНГ единое государство	21,7	36,5	34

Подобные тенденции в распределении позиций прослеживаются и среди представителей элиты северо-востока Украины, хотя их разброс ниже. Для 48% респондентов этой группы проблема разрыва Украиной экономических связей с СНГ (именно так отразился в сознании людей факт ослабления экономических связей с республиками бывшего СССР) является крайне острой, требующей первоочередного решения. Обращает на себя внимание несовпадение нормативных и прожективных (с учетом политических реалий) моделей данных отношений, зафиксированных в представлениях элит (см. табл. 3).

Таблица 3

**Ожидания элит северо-востока Украины по вопросу об отношениях между Украиной и СНГ
(в %)**

	Нормативные ожидания	Ожидания с учетом реалий	Размах вариации
Украина должна полностью выйти из СНГ	27,3	43,5	+16,2
Украина должна осуществлять только экономическое сотрудничество	4,5	8,7	+4,2
Оставаясь суверенной, Украина должна осуществлять единую экономическую, военную, международную политику СНГ	27,3	21,7	-5,64
Украина должна составить с СНГ единое государство	40,9	26,1	-14,8

Почти в два раза выше респонденты оценивают реальность по сравнению с предпочитаемым состоянием модели полного выхода Украины из СНГ (44:27), и обратная зависимость - в отношении восстановления какого-либо варианта СССР (26:41). Данное распределение, по всей видимости, отражает нарастание внутреннего политического конфликта на Украине, который от вмешательства малейшего фактора может перейти в открытую форму столкновений. Прошедшие в 1994 г. выборы временно смягчили данное напряжение. Однако, пока будет сохраняться нестабильность как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического курса, данный конфликтотогенный фактор будет сохранять свою актуальность.

3. Результатом крайне низкого уровня легитимности центральных институтов государственной власти стали досрочные выборы президента и Верховной рады Украины, проведенные в 1994 г. Яркое выражение данная ситуация нашла в мнении региональной элиты о характере управления Украиной сегодня. Около половины опрошенных в феврале 1995 г. (45,3%) считали, что управление государством носит олигархический характер, осуществляется в интересах узкого круга власть имущих, в то время как 37,5% представителей элиты подчеркивали стихийный характер управления Украиной, считали, что принимаемые государственные решения являются результатом никем не контролируемых обстоятельств.

Стремление региональных квазиэлит к власти воплотилось в проведенном ими технологическом

вмешательстве в естественный процесс самоорганизации общества, в провозглашении Украины как самостоятельного государства без учета социального риска осуществляемых действий. Общество, по сути, было переведено в качественно иное состояние с новым спектром векторов развития в условиях ненаправленного, неадекватного социальному контексту структурирования. Это существенно усилило начавшиеся ранее хаотические процессы и актуализировало проблему формирования правящей элиты, способной быть субъектом инноваций и новой социальной интеграции. Игровое действие, закрепившись в формах реальности, стало фактором изменения качества правящих элитных групп.

3. Элитная конфликтность при переходе к демократии

Мобилизация региональных элит в условиях посттоталитаризма, первоначально приведшая к разделу физического пространства бывшего СССР, отразилась и в мощных антицентристских тенденциях внутри образовавшихся самостоятельных государств. На Украине данные тенденции проявились, с одной стороны, в самоактуализации множественных элитных групп (как правящих на уровне регионов, так и потенциальных) и в сильном политическом соперничестве элит западных и восточных регионов по поводу их влияния на центральную государственную власть и политику, а с другой - в трансформации селективных механизмов формирования правящей элиты высшего государственного уровня. Роль селективного механизма стала играть приверженность идее украинской национальной государственности и в значительной степени - престижное (преимущественно западноукраинское) место проживания. Вместе с тем данный селективный механизм становления центрального звена правящей элиты при формировании местных элит срабатывал лишь на уровне отдельных регионов (прежде всего Западной и Центральной Украины). В восточных и южных регионах либо сохранялись традиционные механизмы, либо, по сути, действовал случайный отбор.

В условиях смены или разрушения селективных механизмов ранее переброшенная элита оказывалась в ситуации резкого изменения пространства возможностей, расширения свободы выбора, изменения адаптивных ожиданий нового окружения. Данное изменение вступало в противоречие с разделяемыми ценностями парохально-подданнического типа, физическими и психическими ресурсами индивидов. Это вело к возникновению элитных квазиформ, к маргинализации групп новой правящей элиты, проявляющейся в столкновении с моральными дилеммами, в усилении состояния когнитивного диссонанса, социальной амбивалентности, фрустрационной напряженности. Если использовать классификацию акцентуированных потребностей К. Леонгарда (9), то в такой ситуации представители маргинальной элиты могут проявлять либо ограничительное, ритуальное, пассивное поведение, либо искать пути удовлетворения собственных потребностей без достаточного учета реальной ситуации. Если же при этом окружение проявляет скрытую или явную враждебность, то это усугубляет конфликтную ситуацию внутри элиты и провоцирует эту группу на агрессивное поведение. Маргинальная элита продуцирует специфическую культуру разрушения, действует по принципу "Мы все разрушим, а затем...", стимулирует мифотворчество вокруг понятия "свой-чужой".

Можно было предположить, что правящие элитные группы, конкурируя в межрегиональных отношениях, одновременно в рамках региона достаточно высоко интегрированы по позициям в отношении к центральной власти и украинской государственности. Вместе с тем исследования региональных элитных групп показали отсутствие позиционного согласия. Базисным критерием разведения позиций явился критерий отношения к факту образования Украины как самостоятельного государства (об этом речь шла выше). Данный критерий отражен в ряде косвенных показателей. Так, 42% опрошенных весной 1994 г. выделили в качестве приоритетной цели развития Украины создание сильного государства, в то время как 15% были ориентированы на Украину как одну из советских республик. Смещение акцентов базисного и приведенного косвенного показателей отразило происшедшую в среде региональной элиты переоценку идеалов и событий под давлением реалий и формирование установки на использование данного фактора в реализации личностных ожиданий. Однако уже результаты исследования 1995 г. показали

формирование на уровне региональной элиты пропрезидентски ориентированной сильной группы "украинских государственников". Три четверти опрошенных безусловно поддерживают идею целесообразности создания сильной исполнительной вертикали государственной власти во главе с президентом. Наиболее пропрезидентскую позицию занимают представители региональной бизнес-элиты и исполнительной власти (73 и 50% соответственно). В ходе исследования не подтвердилось расхожее мнение о том, что депутатская региональная элита ориентирована прежде всего на Верховную раду как носителя высшей государственной власти. Половина представителей депутатской группы не смогла дать определенного ответа на поставленные вопросы. Другая же половина в своих ориентациях на "президентскую" либо "парламентскую" политику распределяется примерно одинаково (21 против 26% соответственно). Столь значительный вес пропрезидентской позиции непосредственно связан с доминирующей оценкой характера управления - "хаос", ориентацией на сильных лидеров, способных эффективно руководить страной.

Процесс преодоления региональными элитами квазиформ существенно тормозится маргинальным характером их политической культуры. Данный характер проявляется прежде всего в сосуществовании разнонаправленных ценностей, отсутствии четкой ориентации на какую-либо идею, которая могла бы определить будущее развитие Украины. В среде региональной элиты северо-востока преобладает подгруппа, ориентированная на либеральные ценности с выраженным индивидуалистическим компонентом, быстрые экономические реформы (42% опрошенных). Данная подгруппа представлена преимущественно среди политической и бизнес-элиты. В среде интеллектуальной, партийной элиты доминируют ценности расцвета украинской нации, культуры - ценности, фактически не проявившиеся в других элитных подгруппах. Выраженные предпочтения лояльности местным политическим ценностям в политической культуре региональной элиты служат дополнительным конфликтогенным фактором процесса социальных трансформаций.

Анализ высказываний представителей элит свидетельствует об их ориентации в целом на демократическое развитие государства. Однако неоднозначность семантики, вариабельность реальных демократических форм, отсутствие непосредственного опыта жизни в условиях демократии предопределили и различную смысловую нагрузку, вкладываемую в понятия демократии и желаемый демократический характер развития. По результатам исследований 1994-1995 гг. респонденты распределились по трем значимым группам: те, кто демократическое правление отождествляет прежде всего (1) с представительной демократией (44%) - "как осуществление власти народом через своих избранных в представительные органы власти"; (2) с меритократией (4%) - "как передача властных функций наиболее достойным профессионалам в различных сферах общественной жизни"; (3) с элитарной демократией (24%) - "как результат борьбы политических партий и передачи властных полномочий победившей партии". Если до выборов 1994 г. такая ценность демократической политической культуры, как терпимость, не имела прочной поддержки, то для изменившейся в своем составе региональной элиты 1995 г. позиция политической терпимости является распространенной. Однако невысокий уровень гражданского доверия (индекс доверия элиты к землякам - 0,32, к гражданам Украины - 0,30, к институтам государственного управления в среднем - 2,2, к партиям в среднем - 1,5), необходимого для разрешения конфликта интересов в обществе, существенно снижает политические качества группы.

Среди региональной элиты распространен высокий уровень скептицизма в отношении демократического развития Украины: 63% респондентов связывают демократию с отдаленными перспективами, 8 - считают ее невозможной для Украины, 27% полагают, что демократия станет реальностью через 2-10 лет. Такое отношение в определенной мере отражается на высокой подменяемости элитных ролей и неэффективности исполнения последних.

Высокий накал вокруг дележа физического пространства не спадал при распаде СССР, в первые два года существования украинского государства, и результатом этого стали образование Крымской автономии, появление претензий со стороны ряда территорий на объявление их особого статуса - "свободных экономических зон", утверждение в восточных и южных регионах ориентации на

федерализацию Украины. Это была опасная тенденция, грозившая развалом формирующейся государственности, сегментацией социального пространства, резким ростом конфликтогенных факторов в межрегиональных и этнических отношениях. Вместе с тем на протяжении 1993-1994 гг. в позициях правящей элиты северо-востока Украины наблюдалась устойчивая тенденция спада предпочтений федерализации (от 74% осенью 1993 г. до 57% весной 1994 г. и 49% весной 1995 г.). Остающиеся высокими преференции федеративно-земельного устройства связаны с ориентациями элитных групп на возможности реализации специфических интересов регионов и урегулирование межрегиональных конфликтов - с мотивациями конструктивного характера.

Ход избирательной кампании 1994 г., вербально фиксируемые предпочтения в позициях представителей обновленных структур власти позволяют предположить происходящее замещение установок элиты на дележ физического пространства установками на "идеальное" пространство и контроль над ним. Это одна из существенных инноваций в элитной среде за период существования самостоятельного украинского государства, переводящая (а точнее, создающая возможность для перевода) взаимодействие между региональными элитами на качественно иной уровень - цивилизованных идеальных взаимодействий.

Современная неосвоенность идеального пространства позволяет канализировать в этом направлении субъектные потенции элитных групп. Включенность в данное пространство (в отличие от физического пространства) стимулирует интеллектуальную деятельность элит по осмыслению "своей" идеальной реальности, мобилизации масс в конкретном идеальном пространстве, генерируемом той или иной элитой. Этот процесс способствует самоопределению элитных групп, преодолению ими квазиформ, состояния маргинальности.

Становление элитных групп как субъектов процесса социальных трансформаций сегодня неразрывно связано с естественным процессом структурирования общества, формирования социальных субъектов на уровне "жизненного мира" (Ю. Хабермас). Этот процесс далеко не однозначен. В нем выделяются три группы формирующихся субъектов, среда которых способна породить элиту как собственный субстрат. Это группы доминантных, потенциальных и фоновых субъектов. Их роли сегодня варьируются и в значительной степени предопределяются факторами общей для Украины социокультурной среды. Роль потенциальных субъектов связана с генерацией будущих возможностей развития социума (не востребованная ныне деятельность "зеленых", самодетельность многочисленных, имеющих высокий интеллектуальный потенциал и не имеющих ныне социального заказа научных коллективов и т.п.). Роль фоновых субъектов - в стимулировании актуальных социальных интересов, установлении сети межсубъектных коммуникаций (профсоюзы, организации ветеранов и т.п.). Доминантные субъекты закладывают векторы социальной динамики, занимая определенные позиции в процессе распределения власти в обществе. Анализ социальной ситуации 1994-1995 гг. на Украине и ее в регионах позволяет утверждать, что ныне мы наблюдаем процесс выхода на арену социальной жизни доминантных субъектов через трансмиссию экономических квазиэлитных структур в политическую сферу. Данная группа субъектов проходит второй этап легализации своей власти. Первый этап был связан с самоутверждением в экономической сфере (прежде всего в центральных и восточных, наиболее индустриально развитых, регионах Украины) через легализацию капитала, ресурсов, первоначально накопленных либо теневыми предпринимателями, либо официальным путем средним звеном партийной и комсомольской номенклатуры (обладавшим достаточными возможностями контроля над ресурсами, устойчивой системой межличностных связей, но при этом ничем не выделявшимся среди бывшей тоталитарной автократии). Процесс самоутверждения в конкурентных условиях ограниченных ресурсов сопровождался вынужденной интеллектуализацией деятельности представителей данной группы, ростом профессиональной компетентности. Данный процесс получил отклик в массовой среде. По данным анализа мотиваций голосования населения северо-востока Украины, на выборах депутатов в представительные органы власти (июнь 1994 г.) четвертая часть населения была ориентирована на образ кандидата - личности, добившейся успехов в практических делах. Каждый шестой мотивировал свой выбор профессиональными качествами кандидата - руководителя, хозяйственника, экономиста.

Такая ситуация, с одной стороны, отразила, с другой - стимулировала второй этап легализации экономической элитой своей власти. Данный этап связан с преодолением экономической элитой квазиформ и приобретением легальными путями роли политических лидеров. По-видимому, и это - переходная форма в становлении правящей элиты. В условиях маргинализированной политической культуры, отсутствия институтов по "выращиванию" политической элиты ее роль на себя берут те доминантные субъекты, которые в силу разных причин оказываются втянутыми в поле политики.

Самоопределение субъектов в идеальном пространстве стимулирует генерирующую и обслуживающую роль идеологической элиты, создающей такое пространство и оправдывающей действия политических элит. Создание институциональной системы самоопределения - важнейшая задача государства и общества, ориентирующихся на демократию и устойчивое демократическое развитие.

В данном процессе заложена как возможность успешной социальной трансформации, так и возможность обострения межрегиональных конфликтов, стимулирующих разветвление по двум направлениям детерминантов игрового поля украинской государственности. Рассмотрение вопроса о возможности понижения конфликтного порога во взаимодействиях между региональными элитами выходит за рамки настоящей статьи. Вместе с тем отметим, что такая возможность заключена в качественных особенностях самой ситуации, стимулирующей конфликт. Пассионарная энергия и властные устремления формирующихся региональных элит могут быть направлены в конструктивные русла регионального строительства, но не в форме федерализма, опасной в условиях меняющейся системы и социальной амбивалентности, а в образах научно-образовательно-производственных, производственно-культурных и т.п. комплексов, технополисов и технопарков, реализующих идеи "стратегии прорыва" (10). Данная деятельность, сориентированная за рамки регионов, могла бы послужить толчком для экономического роста, этнокультурной и политической стабилизации.

Рассмотренное состояние актуализирует проблему разработки и запуска программ по формированию инновационной правящей элиты, способной стимулировать процессы созидания новой социальной реальности и контролировать уровень социального риска в игровом поле политики.

-
1. См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 147-167; Хейзинга И. Homo Ludens: В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. М.: ИГ "Прогресс", 1992. С. 5-240.
 2. См.: Stammer O. Das Eliteproblem in der Demokratie // Schmollers Jahrbuch, 1974. Bd. 22. S. 5-26.
 3. См.: Remington Th. The Truth of Authority. Ideology and Communication in the Soviet Union. Pittsburgh, 1988.
 4. См.: Deutsch K. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1976.
 5. Здесь и далее в отношении элитных позиций приводятся результаты социологических исследований "Становление государственности на Украине: позиции региональной элиты". Проведены в течение 1993-95 гг. социологической группой ЦЭСПИ г. Харькова под руководством автора. Выборка районированная квотная, учитывающая значимые элитные подгруппы в структуре региональной элиты. Построена методами документального анализа, экспертных оценок и самооценок. В изучении позиций использованы аксиобиографический метод и фокусное интервью (см.: Информационный бюллетень ЦЭСПИ. Вып. 1, 2. Харьков: ЦЭСПИ, 1994, 1995).
 6. См.: Бекешкіна І., Кучерів І., Небоженко В. Політичний портрет України. / Соціолог. служба центру "Демократичні ініціативи". Прес-конференція. Київ, 9 червня 1994 р. С. 3.
 7. Кроме указанных позиций отмечены также позиции "не принимал бы участия в референдуме" (24%) и "трудно сказать" (17%).
 8. Здесь и далее в отношении позиций населения северо-востока Украины приводятся данные исследований, проведенных социологами Харьковского университета по репрезентативной выборке (1200 человек), учитывающей социальный, национальный и возрастной состав населения региона в течение 1992-95 гг.

9. См.: Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981.

10. См.: Рюгемер В. Новая техника - старое общество. М., 1988; Тацуно Ш. Стратегия - технополисы / Пер. с япон. М., 1989.